

М.Б. Чистяков

Корни и плоды

Издание 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М11

М11 **М.Б. Чистяков**
Корни и плоды: Издание 3 / М.Б. Чистяков – М.: Книга по Требованию, 2024. – 137 с.

ISBN 978-5-458-14748-4

Повести для детей старшего возраста. С рисунками в тексте П. Захарова.

ISBN 978-5-458-14748-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ маленькомъ сядикѣ подѣ яблоней лежалъ человекъ...

долго смотрѣть, и навѣки разстаться съ своими придется! И останутся они, горемычные, одни... безпріютными сиротами... Садикъ, гдѣ теперь работаетъ моя жена съ моимъ ребенкомъ, достанется чужимъ людямъ; въ теперешней моей избѣ имъ не будетъ даже угла, чтобы приклонить голову. Ахъ, доля, доля, горькая доля! Зачѣмъ бы такимъ бѣднякамъ ужъ и на свѣтъ родиться!

Онъ помолчалъ, подумалъ немного, собрался съ мыслями, ободрился и продолжалъ:

— Впрочемъ, знать, отъ болѣзни глупъ я сталъ и малодушенъ; зачѣмъ я ропщу? Да будетъ во всемъ святая воля Божія! Іовъ больше страдалъ. Богъ не покинетъ сиротъ; да и добрые люди еще не перевелись на свѣтѣ; земля не вся заросла полынью...

Сказавъ это, онъ хотѣлъ перекреститься, но не могъ поднять руки. Ему сдѣлалось неловко лежать, онъ хотѣлъ перевернуться и не былъ въ состояніи; попробовалъ было позвать своихъ, но голосъ у него былъ такой слабый, такой глухой, что его не слышали бы и въ двухъ шагахъ.

— Какой же я сталъ дрянной! — сказалъ онъ. — грустно улыбаясь и почти съ завистью смотря на пѣночку, которая, сидя на вѣткѣ, прямо передъ нимъ, звонко щебетала, пѣла безъ умолку и, казалось, не могла вдоволь напѣться про свою весеннюю радость.

Мать точно будто мыслями отгадала, что ей надобно пойти къ больному, посадила яблонь, засыпала корни ея землей, притоптала, крикнула сына и пошла къ бѣдному мужу.

— Что, не хуже-ль тебѣ? — спросила она.

— Нѣтъ, не хуже, только грустно что-то. Они замолкли. Было что-то ужасно тяжелое, гнетущее душу въ этомъ молчаніи. Эти трое бѣдняковъ съ блѣдными, испытанными лицами, понуренными головами, казалось, отнимали всю прелесть у свѣта солнца, всю силу жизни у земли, всю нѣгу у запаха цвѣтовъ.

Дѣячекъ, наконецъ, сказалъ сыну:

Корни и плоды

— Ваня! Принеси-ка книжку да почитай; авось, на сердцѣ станетъ легче.

Ребенокъ принесъ библію и сталъ читать евангеліе.

Чтеніе продолжалось около получаса.

— Ну, теперъ прочти что-нибудь по гражданской печати, — сказали отецъ.

Ребенокъ принесъ какую-то книгу, безъ начала и безъ конца, разорванную, истрепанную и, развернувъ на удачу, попалъ, какъ видно, на описаніе сраженія, которое происходило между русскими и французами въ 1812 году подъ Смоленскомъ.

Отецъ слушалъ его съ видимымъ удовольствіемъ.

— Вотъ, — сказалъ онъ: — и голосъ у тебя чистый и звонкій, и читаешь ты безъ запинки, бойко, и по церковному, и по гражданскому, и пишешь ты, какъ дай Богъ всякому, а вотъ умру я, тебя дьячкомъ не сдѣлаютъ, скажутъ: малъ, неразуменъ, глупъ еще... Попытаться бы попросить, чтобъ тебя на мое мѣсто еще при жизни моей опредѣлили, чтобы ты у меня поучился, какъ исправлять должность, да вотъ боленъ-то я, силъ-то у меня нѣтъ; а то-бъ бросилъ работу, все бросилъ, пошелъ бы въ городъ къ архіерею: не Богъ вѣсть, какая даль, всего двѣсти верстъ; дней въ десять отмахалъ бы взадъ и впередъ. Впрочемъ, Богъ дастъ, поправлюсь, схожу и, авось, выхлопочу для тебя мѣсто.

— Богъ тебя знаетъ, что ты говоришь, — кротко сказала жена. — Подумай, что твоя за жизнь? Что-жъ и сына также на вѣки-вѣчные закабалить въ бѣдность и нужду? Нѣтъ, что ужъ тамъ не будетъ, я стану биться до кроваваго пота, не буду знать покоя ни днемъ, ни ночью, по міру буду ходить, куски собирать, ночевать подъ заборами, въ хлѣвахъ, а ужъ его отдамъ въ семинарію, пусть доходитъ до конца; а тамъ увидимъ, что Богъ дастъ. Можетъ, ему Господь судить другую долю. Почему знать, чѣмъ еще онъ будетъ?

— Что, небось, протопопомъ?

— А можетъ, чѣмъ-нибудь и больше. Дьячекъ печально улыбнулся.

— Чѣмъ-же, напримѣръ, больше? — спросилъ онъ.

— Ну, мало-ль чѣмъ. Почему знать. Архіереемъ бы я не хотѣла, чтобъ онъ былъ. Видѣла я однажды архіерея: лентъ-то на немъ что, крестовъ навѣшано! Подъ руки его водятъ; благословляетъ онъ всѣхъ; господа такъ и суются цѣловать у него руки; въ церковь онъ идетъ — звонятъ, изъ церкви идетъ — звонятъ, пріѣзжаетъ въ село — звонятъ, уѣзжаетъ — звонятъ; а народу-то, народу сбѣгается смотрѣть, и Господи, сколько! Хорошо это все, какъ онъ между нами; грѣшными, какъ святой какой ходитъ. А посмотришь: ни одной-то, ни одной родной души около него нѣтъ; всѣ эти пѣвчіе, вся эта орава, что кругомъ него, отхлынуть, разбредутся, пойдутъ ѣсть, пить, хохотать, а онъ останется, горемычный.. въ своей палатѣ, точно сирота: жены нѣтъ, дѣтей нѣтъ, родственники только и норовятъ, какъ-бы стащить отъ него что-нибудь... Нѣтъ, я не хочу, чтобъ Ваня былъ архіереемъ.

Больной невольно разсмѣялся.

— Ахъ, жена, жена, — сказалъ онъ, — до чего ты договорилась! А намъ бы съ Ваней и въ дьячкахъ хорошо быть, еслибъ Богъ сподобилъ.

— Ну, хорошо сподобленье, — нечего сказать! По-моему, лучше пусть въ солдаты идетъ: тамъ можетъ въ офицеры выслужиться, а изъ офицеровъ еще во что-нибудь дальше.

— Тебѣ бы все дальше да дальше. Какая ты неугомонная! Вотъ тѣмъ у тебя особенно славный нравъ, что ты никогда не унываешь, и все у тебя такія веселыя мысли.

— Голубчикъ ты мой! Какое веселье? Ты боленъ, ничего у насъ нѣтъ; съ работами мнѣ одной не справиться, теплые дни пройдутъ, не увидишь; зима ничего не дастъ — ни зерна, ни цвѣту, а припасай все — и хлѣба, и дровъ, и шубу... Поневолѣ заноетъ сердце, какъ объ этомъ подумаешь... Оттого-то и хочется мнѣ ребенка нашего избавить отъ этакой

горькой доли: онъ еще молодая пташка; выучится, крылья вырастутъ, и лети, куда укажетъ Божій свѣтъ — разумъ. Когда вотъ раздумаешься, что онъ будетъ и хорошъ собой, и уменъ, и богатъ, и у людей въ уваженьѣ, ну, и забудешь про горе на минуту, и отъ сердца немножко отляжетъ.

— Да, твоя правда: снится-жъ иногда бѣдному, что у него цѣлые закромы золота; и за это спасибо: хоть во снѣ-то счастливъ. А все-таки, что тамъ ни думай, лучше-бъ было, если бы за Ваней оставили мое мѣсто.

Я бы умеръ спокойно.

Жена тяжело вздохнула и пошла работать въ поле. Ваня началъ таскать въ лукошкѣ, съ огорода въ садъ, черноземъ для деревь, который надобно было сажать на слѣдующій день. Отецъ, утомившись отъ разговора, задремалъ. Ручной голубь, котораго онъ очень любилъ и часто кормилъ изъ рукъ, прилетѣлъ съ поля, опустился подлѣ него, поворковалъ, но, точно будто понимая, что хозяинъ его боленъ и утомленъ, сѣлъ у его изголовья и смотрѣлъ ему въ лицо; у ногъ его маленькій котенокъ игралъ отрепаннымъ концомъ его одѣяла; на солому его постели, отъ-времени-до-времени, вспрыгивалъ зеленый кузнечикъ и, испугавшись, кувыркомъ бросался въ сторону; разноцвѣтныя букашки — сѣренькія, красненькія, стальныя, золотистыя и т. п., ныряли между стеблями соломы и, очевидно, наслаждались множествомъ тайныхъ переходовъ; зябликъ спорхнеть съ дерева, походить по травѣ, поклюеть то сѣмянъ, то песку, порхнеть снова въ зелень вѣтвей и раза два просвищетъ, точно хочетъ сказать: смотрите, гдѣ я, и какъ хорошо мнѣ въ прохладныхъ листьяхъ.

Еслибъ не болѣзненная блѣдность въ лицѣ спящаго, да не извѣстно было, какова жизнь его, то можно было бы позавидовать его мирному сну и наслаждаться тѣмъ, какъ все кругомъ кишить, радуется и красуется въ лучахъ чуднаго весенняго солнца.

Вдругъ, въ концѣ деревни раздался рѣзкій звонъ колокольчика. Больной проснулся. Кто бы это былъ? Колокольчикъ все ближе и ближе, все звончѣй и звончѣй, вотъ тѣлѣга подѣхала къ воротамъ дьячкова дома и остановилась. Ваня побѣждалъ посмотреть кто ѣдетъ.

Чередъ нѣсколько минутъ въ садъ вошелъ человекъ, лѣтъ пятидесяти, одѣтый по-купечески. Это былъ приказчикъ, ѣздившій по деревнямъ и городамъ съ разными порученіями отъ купцовъ. Онъ былъ сынъ одного крестьянина и выросъ вмѣстѣ съ дьячкомъ; они были неразлучны въ дѣтствѣ, жили, будучи мальчиками, душа въ душу и на всю жизнь остались самыми искренними друзьями.

Мальчикъ кинулся ему на шею...

Узнавъ, что дьячекъ боленъ, приказчикъ прибѣжалъ въ садъ, бросился къ нему и началъ его цѣловать, какъ брата. Пожалѣвъ о больномъ, прїѣзжій сказалъ ему:

— Я было къ тебѣ, Саша, прїѣхалъ съ хорошимъ дѣломъ; мнѣ нуженъ на мѣсяць грамотный, расторопный и честный человѣкъ, вотъ, какъ ты, напримѣръ; мы бы съѣздили въ губерніи двѣ, три, тебя бы отпустилъ отецъ Василій, и всѣмъ бы намъ было хорошо; а то вотъ что теперь дѣлать? Я какъ безъ рукъ.

— И я тоже, — отвѣчалъ улыбаясь дьячекъ.

— Да, шути, братъ: а вѣдь это никуда не годится. Кого-жъ ты, однако, присовѣтуешь взять съ собою?

— Возьми моего Ваню.

— А онъ умѣетъ писать?

— Славно пишетъ.

— И поѣдетъ со мною?

— Куда хочешь: онъ начитанъ книжекъ про разныя страны, его такъ и тянетъ.

— Ну и хорошо. Жена твоя дома? Вели-ка ей приготовить чего-нибудь поѣсть поскорѣй, да и въ дорогу. Что, я думаю, она, бѣдная, совсѣмъ изныла, глядя на тебя?

— Да, иногда горюетъ такъ... что невольно слеза прошибаетъ; крѣпишься только, чтобы ее не опечалить еще больше.

— Чего-же ты унываешь? Пока я живъ, вы нужды терпѣть не будете. Кликни только: когда понадобится, тотчасъ явлюсь передъ тобою, какъ листъ передъ травой.

— Другъ ты мой сердечный! Кликни!.. На свадьбу, на пиръ, на радость кликнуть — легко; а кликать все на помощь да на помощь, все только на горе — и, Господи, какъ тяжело! Дыханье спирается.

— Ахъ ты — чудакъ, чудакъ! А ты мнѣ развѣ не помогаль? Да еще когда? Когда и самъ-то ты былъ ребенкомъ. Помнишь, какъ осенью, въ холодъ и дождь, босоногій, въ одной рубашонкѣ, я стоялъ у тына, дрожалъ и плакалъ? А ты вынесъ мнѣ свои старенькіе лапотки, суконки и зипунишко. Помнишь, я въ полѣ пасъ ягнать и у меня цѣлый день крохи во рту не было? А ты принесъ мнѣ хлѣба, картошки и соли; мы развели огня, испекли картошку, я поѣлъ досыта и сталъ такъ веселъ, какъ рѣдко со мной случалось. Этого я, любезный другъ, и на томъ свѣтѣ не забуду.

— Ну, что-жъ это? Много-ль это?

— А такъ много, что безъ этого, пожалуй, меня-бъ и на свѣтѣ не было. Такъ вотъ же, за это и ты отъ меня прими, по дружбѣ, бездѣлицу.

Сказавъ это, приказчикъ вынулъ изъ кожанаго мѣшечка нѣсколько рублей. Въ это время воротилась домой хозяйка.

— Да, вотъ она, — сказалъ пріѣзжій, — добрый и ласковый тебя, — не станетъ обижать меня.

Говоря это, онъ отдалъ ей деньги.

— Награди тебя, Господи! — прошептала она, поклонилась и, утирая слезы, проворно пошла стряпать кушанье.

Появление такого добраго друга оживило бѣдняковъ: лица у нихъ просвѣтлѣли; больной почувствовалъ себя бодрѣй и весело улыбался, слушая розсказни и шутки приказчика.

— А что, — сказалъ онъ дьячку, — не хочешь ли совсѣмъ отпустить ко мнѣ своего Ваню?

— Зачѣмъ?

— А вотъ зачѣмъ: мнѣ по чужимъ дѣламъ мыкаться надоѣло. Я кое-что нажилъ; заведу свою торговлю, попытаю счастья; онъ будетъ у меня въ лавкѣ, а послѣ разживется, тоже, можетъ, самъ торговать станетъ.

— Нѣтъ, братъ, сердись не сердись на меня, а для этого не отпущу.

— Отчего-жъ? Вѣдь, если Богъ благословитъ, онъ разбогатѣетъ, и самому хорошо, и вамъ помога и радость.

— Такъ-то, такъ, да не нравится мнѣ купеческое дѣло.

— Отчего-жъ не нравится?

— Да все тамъ фальшь, да обманъ, обмѣриванье, обвѣшиванье, берется все втридорога.

— Вездѣ есть фальшь и обманъ, вездѣ есть и честные люди. Извѣстно, купецъ ничего не продастъ въ убытокъ себѣ, иначе ему и торговать нельзя, нечѣмъ было бы платить за лавку, подати, приказчикамъ; но кто обмѣриваетъ и обвѣшиваетъ, тотъ — и не добрый

человѣкъ, и просто глупъ: этимъ никогда много не наживешь; одного обманешь, другого обманешь, а тамъ прочіе и пойдутъ все мимо да мимо лавки.

— Твоя правда, да, знаешь, нашему брату, духовному, какъ-то въ купечество идти не приходится.

— Отчего же не приходится? Онъ можетъ нажить денегъ, жить богато, ни въ комъ не нуждаться, даже другимъ помогать, бѣднымъ, жертвовать на училища, на больницы, на тѣ угодныя Богу мѣста, гдѣ призрѣваютъ вдовъ, сиротъ, стариковъ безпомощныхъ, увѣчныхъ и другихъ несчастныхъ горемыкъ.

— Что и говорить! Деньги — хорошее дѣло, когда ихъ на добро употребляешь: безъ нихъ и съ руками — какъ безъ рукъ, и съ глазами — какъ безъ глазъ, и съ умомъ — какъ безъ ума, да Богъ вѣдаетъ, наживетъ-ли мой Ваня, а отдашь его въ торговлю, такъ ему ужъ всякую другую дорогу загородишь; а ему, можетъ, счастливая судьба выпадесть.

— Да какая-жъ судьба? Дьячкомъ-то быть, или священникомъ? Ты самъ знаешь, какъ вы всѣ живете: бьетесь; бьетесь, а изъ чернаго тѣла никакъ выбиться не можете. Со стороны даже смотрѣть жалко.

— Оно справедливо; но, можетъ быть, мой Ваня станетъ хорошо учиться, выучится, поступить тамъ въ какую-нибудь академію, въ университетъ, что-ли, а тамъ всякому, говорить, дорога широкая.

— Однимъ — широкая, другимъ — тѣсная; иные и ученые, да бьются весь вѣкъ не лучше вашего. Впрочемъ, можетъ быть, твоя и правда; можетъ быть, твои слова и сбудутся; вѣдь, говорятъ, Господь Богъ внушаетъ родителямъ, куда имъ дѣтей своихъ вести, какой путь имъ указывать. Дѣлай, какъ хочешь; только теперь отпусти Ваню со мной: онъ и людей посмотреть, не будетъ слишкомъ робокъ, да кое-что у меня и заработаетъ; а когда вернется, дѣлай съ нимъ, что тебѣ Богъ положить на сердце.

— Спасибо, другъ мой; только ты не сердись за то, что я тебѣ говорилъ.

— За что-жъ сердиться? Я думаю одно, ты думаешь другое. У всякаго свой умъ въ головѣ. Почему знать? Можетъ быть, будетъ время, что мы съ тобой передъ твоимъ Ваней безъ шапокъ будемъ стоять? Что, Ваня? Не будешь тогда гордиться передъ нами? А? Я знаю, что не будешь: ты добрый мальчикъ. Тебя отецъ не учитъ дурному; развѣ только чужіе люди станутъ дурному учить; да ты не слушай ихъ; помни прежнія наставленія. Голубчикъ мой; раскраснѣлся, какъ маковъ цвѣтъ! Да чего же ты плачешь?

— Я самъ не знаю, — отвѣчалъ шопотомъ Ваня. И онъ точно не зналъ: ему жаль было отца, жаль матери; онъ видѣлъ, какъ они бѣдны, какъ горюють, и не могъ ничѣмъ пособить имъ; онъ слышалъ, что за поѣздку съ приказчикомъ заработаетъ нѣсколько денегъ; а между тѣмъ ему грустно было разставаться съ родителями, съ родительскимъ домикомъ, садикомъ, — съ грядами, которыя онъ копалъ, съ яблонями, которыя обсыпалъ землею, съ свѣтлыми днями въ бѣдномъ домикѣ; ему и хотѣлось, и не хотѣлось ѣхать; онъ бы радъ былъ учиться, да зналъ, что отецъ не можетъ содержать его въ училищѣ и очень тоскуетъ объ этомъ... Все это теперь перебивало у него на умѣ тысячу разъ и растревожило его; личико его разгорѣлось, и слезы невольно капали изъ глазъ.

— Что-жъ, Ваня, — сказали въ одинъ голосъ отецъ и приказчикъ, — если не хочешь ѣхать, мы не неволимъ. Ваня испугался этого и торопливо заговорилъ:

— О нѣтъ, я поѣду, я съ охотой поѣду, на край свѣта поѣду; я не оттого. Я самъ не знаю отчего... Я поѣду, хоть сейчасъ...

— Да сейчасъ и надо ѣхать, голубчикъ мой: мнѣ нужно спѣшить.

— Сейчас! — подумал Ваня. — Сейчас разстаться с отцом и матерью, поцеловаться с ними в последний раз, в последний раз взглянуть на эту милую соломенную кровлю, на эти углы, на эту траву, на эти деревья, на этот развесистый, зеленый дуб, на все, на все — в последний раз... — Сердце его больно забилося; он под каким-то предлогом отошел прочь, спрятался в кустах, упал на зелень, целовал землю, ласкал кустики и былинки, прижимал их к себе и долго рыдал. От слез ему сдѣлалось легче; будто чей-то добрый-добрый, ласковый и сладкий голос шепнул ему: „чего-ж ты плачешь, дитя? Я тебя не покину; я вѣдь вездѣ: и тамъ, гдѣ синее небо, гдѣ свѣтит солнце, гдѣ раскидываются весенніе цвѣты и осенью сучья виснутъ къ землѣ отъ золотыхъ плодовъ; и тамъ, гдѣ въ черной ночи свирѣпствуетъ буря, гдѣ въ полдень, какъ въ мгlistый вечеръ, солнце сквозь тяжелые и сѣрые туманы едва на часъ обозначается только маленькимъ, желтымъ пятнышкомъ, гдѣ на промерзлой землѣ не бываетъ ничего, кромѣ моха и порослей, — вездѣ моя сила и любовь".

Ребенокъ почувствовалъ бодрость, печаль его утихла, страхъ съ него спалъ; въ душѣ осталась только нѣжная привязанность къ отцу и матери; онъ поднялся съ земли, перекрестился и пошелъ къ своимъ.

Мать, покормивъ гостя, стала укладывать вещи для отправления сына. Сборы были невелики: двѣ пары бѣлья, три полотенца, довольно поношенные сапожки, нагольный, овчинный тулупчикъ, кругъ простого сыра да десятокъ вареныхъ яицъ на дорогу — вотъ и все, кажется.

Она дѣлала это разсудительно, спокойно, точно какъ полола гряды или обрѣзывала сухіе сучья; походка у ней была ровная и твердая, колѣни не подкашивались, голосъ не дрожалъ, на лицѣ не видно было ни блѣдности, ни утомленія; она не теряла мужества, но она между хлопотами то и дѣло взглядывала на ребенка, и тогда глаза ея свѣтились такимъ нѣжнымъ и грустнымъ чувствомъ, что, кажется, никакими словами, никакими слезами нельзя-бъ было его выразить.

Отецъ молчалъ, велѣлъ мальчику подсесть къ себе, одною рукою обхватилъ его, другою тихонько расправлялъ его волосы и гладилъ по головѣ.

Наконецъ, настало время разставаться; отецъ, приподнявшись на постели, сидя, дрожащимъ голосомъ прочелъ напутственную молитву; мать, сынъ и приказчикъ, обратись къ церкви и стоя на колѣняхъ, клали земные поклоны.

Вотъ, молитва кончилась, всѣ замолкли и нѣсколько минутъ не трогались съ мѣста. Отецъ подозвалъ сына, перекрестилъ его и почти шопотомъ сказалъ ему:

— Слушай, буду-ли я живъ или нѣтъ, помни на вѣки-вѣчные: въ горѣ и бѣдѣ проси помощи у Бога, работы у добрыхъ людей; трудись изо всѣхъ силъ до кроваваго пота, и лучше умирай съ голоду, а чужого не трогай, хоть бы на дорогѣ валялось золото. Когда Богъ благословитъ тебя поступить въ школу, учись и день и ночь, насколько достанетъ силъ твоихъ. Кто тебѣ сдѣлаетъ добро, не забывай во всю жизнь; если не удастся добромъ отплатить ему самому, отплачивай другимъ. Отца и матери ты не забудешь, я знаю; это дѣлаютъ только негодныя дѣти; и кѣмъ бы ты ни былъ, тебѣ будутъ дороги и милы наши бѣдныя углы. Прощай! Господь съ тобою!

Мальчикъ кинулся ему на шею, плакалъ и повторялъ только:

— Буду, батюшка, помнить, вѣкъ буду помнить, что ты говоришь.

Мать прижала его къ себе, и, цѣлуя обливала его лицо слезами. Наконецъ, родители благословили его, надѣли ему на шею образокъ и простились съ нимъ. Ребенокъ, чтобъ взглянуть въ послѣдній разъ на родныя мѣста, обѣжалъ весь садъ и дворъ, поласкалъ ягнять

Корни и плоды

и жеребеночка, поглядѣлъ на крошечныхъ, еще въ пушку, цыплятъ, которые съ своею матерью грѣлись въ песокѣ на солнцѣ, — вздохнулъ глубоко, попрощался еще и сѣлъ на тельгу. Приказчикъ ударилъ вожжами и покатилъ.

Мать упала на колѣни, поклонилась ему вслѣдъ до земли и могла только промолвить:

— Голубчикъ мой! Побереги его! Господь не оставитъ тебя своею милостью!

Нѣсколько верстъ Ваня сидѣлъ молча и грустилъ; но вотъ, стали попадаться новыя для него вещи, люди, деревни, мѣста. Онъ сталъ спрашивать приказчика то о томъ, то о другомъ; приказчикъ обрадовался этому, рассказывалъ, что зналъ, ласково шутилъ съ нимъ, и мало-по-малу развеселилъ его. На другой, на третій день Ваня успокоился, и хотя безпрестанно вспоминалъ объ отцѣ и матери, но не плакалъ и не тосковалъ, а ужъ думалъ о томъ, какъ они будутъ рады, когда онъ воротится.

Бѣжали они очень спокойно, ничего непріятнаго съ ними не случилось; погода стояла чудесная; по лугамъ раскидывались нѣжные осенніе цвѣтки; въ молодой, пушистой зелени только-что развернувшихся листьевъ сидѣли, шныряли и порхали издалека слетѣвшіеся пташки,

Мать прижала его къ сѣбе, цѣлуя обливая его лицо слезами...

сами — какъ живые листы и цвѣты; воздухъ былъ полонъ смолистымъ ароматомъ. Отъ всего этого становилось на душѣ весело.

Приказчикъ отечески-заботливо и кротко обращался съ мальчикомъ: поутру умоетъ его, причешетъ, напомнимъ, что надо помолиться Богу, напоить чаемъ, усадить поудобнѣй на телѣгѣ и отправится въ путь; при остановкѣ, когда надобно бывало кормить лошадей, прежде всего похлопочетъ, нѣтъ-ли чего теплаго для ребенка, на ночь самъ постелетъ ему соломы или сѣна уложить его, перекрестить и самъ ляжетъ подлѣ него.

Долгое время на постоянныхъ дворахъ у него были все знакомые хозяева; они встрѣчали и провожали его привѣтливо, какъ давнишняго и добраго знакомаго; иногда хозяйка, смотря на мальчика и узнавъ, что онъ ѣдетъ отъ отца и матери, на чужую сторону, приласкаетъ его, какъ сиротку, и сунетъ ему въ телѣгу калачъ, связку баранокъ или кусокъ пряника. Это ободряло Ваню, дѣлало его смѣлымъ, разговорчивымъ. Къ приказчику онъ привязался какъ къ родному, и лепеталъ ему обо всемъ, что придетъ на умъ, и часто забывалъ, что онъ далеко отъ родной своей хаты.

Одинъ случай напомнилъ ему это: разъ ѣдутъ они вечеромъ, мѣста пошли все пустыя и лѣсистыя; деревня отъ деревни иногда верстъ на двадцать и больше. Безлюдная, нѣмая дорога уныло тянется желтою полосой и будто убѣгаетъ въ даль. Приказчикъ сдѣлался молчаливъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ посматривалъ по сторонамъ и чаще погонялъ лошадь. Вотъ ужъ начинается смеркаться; въ лѣсахъ стемнѣло и, кажется, темнота изъ нихъ такъ и лѣзетъ на дорогу. Тишина такая, что слышно, какъ птичка въ вѣтвяхъ шелохнется или листь упадетъ съ дерева. Непріятно было ѣхать нашимъ путникамъ въ такой глуши и темнотѣ. Ваней невольно стала овладѣвать робость.

— Скоро-ль деревня? — спросилъ онъ приказчика.

— Нѣтъ, еще не скоро — верстъ десять; есть тутъ гдѣ-то постоянный дворъ, да останавливаться никакъ не приходится; надо поскорѣй ѣхать: совсѣмъ ночь и такая темная.

Сказавъ это, онъ погналъ лошадь. Они молчали. Стукъ колесъ ихъ далеко отдавался въ щадѣ. Сидя на гнѣздахъ, пронзительно перекликались совы. Лошадь, чувствуя, что пора бы на ночлегъ, проворно ѣхала и пугливо поглядывала на кусты, чернѣвшіеся по краямъ дороги. Вдругъ, при раскатѣ съ горы въ оврагъ, задняя ось хрястнула, колеса покатались въ стороны и телѣга сѣла на землю.

— Вотъ тебѣ и разъ, — сказалъ испуганнымъ голосомъ приказчикъ, — надобно же было въ такую пору и въ такомъ мѣстѣ! Ахъ ты, Боже милосердый! Впрочемъ, унывать нечего; подвяжемъ подъ телѣгу колеса да кой-какъ дотащимся до постоялаго двора. Помнится, тутъ тоже былъ знакомый хозяинъ.

Онъ кой-какъ уладилъ, и они потащились шагомъ: дорога показалась имъ смертельно долгою: ѣдутъ, ѣдутъ, а постоялаго двора все нѣтъ. Вотъ ужъ близко къ полуночи; не встрѣчается ни одной души; хоть бы пѣтухъ прокричалъ гдѣ, хоть бы собака залаяла въ сторонѣ, это бы значило, что жилье близко; а то будто тутъ никогда человѣка не бывало. Тишина и темнота полночная такъ, кажется, и давить, и дышать будто тяжелѣй. Вдругъ сверкнуло что-то между деревьями.

— Кажется, огонь? — спросилъ Ваня.

— Да, огонь, — невесело отвѣчалъ приказчикъ.

— Деревня?

— Нѣтъ, постоянный дворъ.

— Зачѣмъ онъ стоитъ въ лѣсу?

— А Богъ ихъ знаетъ, зачѣмъ они тутъ построились.

— Оедоръ Ивановичъ, не будемъ тутъ останавливаться, мнѣ страшно что-то.

— Не бойся, голубчикъ мой! Чего бояться? Страшнаго ничего нѣтъ, — говорилъ Оедоръ Ивановичъ, успокоивая ребенка, но по голосу слышно было, что онъ самъ боялся.

Вотъ они подъѣхали къ постоялому двору. Онъ былъ построенъ прекрасно: изба огромная, съ нѣсколькими свѣтелками наверху, дворъ обнесенъ крѣпкою постройкою съ навѣсами, ворота дубовыя; кругомъ все прибрано чисто; несмотря на все это, въ немъ было что-то крайне непривѣтливое, даже будто зловѣщее.

Подъѣхавъ къ воротамъ, Оедоръ Ивановичъ остановился, не зная, стучать ему или нѣтъ, проситься на ночлегъ или проѣхать мимо. Въ такой нерѣшительности онъ подошелъ къ окну, въ которомъ свѣтился огонь и взглянулъ въ него: тамъ было человѣка четыре мужиковъ; они сидѣли за столомъ, спинами къ окошку, дѣлили деньги и спорили; на полу въ безпорядкѣ валялись сундуки, перины, шубы, платья и другія вещи. Оедоръ Ивановичъ въ испугѣ отшатнулся, но въ избѣ мелькнула его тѣнь, одинъ мужикъ задулъ свѣчку, впотѣмахъ началась торопливая возня; видно было, что убирали и прятали вещи. Хозяинъ поднялъ окно и крикнулъ:

— Кто тамъ?

— Проѣзжіи! Пустите ночевать.

— Милости просимъ! — отвѣчалъ хозяинъ, — будетъ просторно — никого нѣтъ.

— Какъ никого? — подумалъ Оедоръ Ивановичъ, — а мужики-то куда-жъ дѣвались?

— Однако-жъ онъ на это ни слова не сказалъ хозяину, весело поздоровался съ нимъ, спокойно въѣхалъ во дворъ, шутливымъ тономъ велѣлъ приготовить себѣ ужинать и подать водки, словомъ, велъ себя такъ, какъ будто не чуялъ никакой опасности; а между тѣмъ, сердце у него сильно билось, и онъ на все смотрѣлъ подозрительно, все замѣчалъ, чтобы ему, въ случаѣ надобности, избавиться отъ бѣды.

Впустивъ его во дворъ, хозяинъ двумя толстыми засовами задвинулъ ворота и заперъ ихъ замкомъ. Замѣтивъ это, приказчикъ ужаснулся: онъ былъ — какъ въ западнѣ; не только уѣхать тайкомъ, но даже и выдти ему со двора не было ни малѣйшей возможности. Онъ былъ въ ужасной тревогѣ: распрягая лошадь и убирая телѣгу, онъ путался, ронялъ вещи, десять разъ, безъ всякой нужды, бралъ и перекладывалъ одно и то же; принимался то за то, то за другое, безпрестанно осматривался во всѣ стороны и не зналъ на что рѣшиться. Онъ молчалъ; Ваня чувствовалъ, что тутъ есть что-то недоброе, дрожалъ какъ листъ, и едва переводилъ дыханіе. Была вообще темная ночь, а на дворѣ, подъ навѣсомъ, темнота точно будто сгустилась, такъ и давила; отъ нея, въ такихъ обстоятельствахъ, еще больше нападала тоска на сердце.

Оедоръ Ивановичъ, однако-жъ, воспользовался ею: онъ подошелъ къ воротамъ, попробовалъ сломить замокъ, нѣтъ, не подается; попробовалъ сломить пробой, — еще крѣпче. Тогда онъ взялъ вожжи, продѣлъ ихъ въ петли замка и пробоя, надѣлъ вожжи лошади на шею и вдругъ очень сильно ударилъ ее кнутомъ; лошадь рванулась и вырвала пробои. У Оедора Ивановича отлегло отъ сердца: какъ будто совсѣмъ бѣда миновалась, онъ бодро вошелъ въ избу, накормилъ Ваню и положилъ его спать въ избѣ на лавкѣ; одѣвая его и прощаясь съ нимъ, Оедоръ Ивановичъ успѣлъ шепнуть ему нѣсколько разъ:

— Смотри, Ваня, ты спишь подъ окномъ; оно выходитъ на огородъ или въ садъ; я лягу на дворѣ; если ты ночью услышишь тамъ крикъ, то не бѣги ко мнѣ, а бросайся въ окно, выбирайся на дорогу и бѣги все по дорогѣ; кого встрѣтишь, того и приведи сюда поскорѣй. Бога ради, голубчикъ, не забудь этого, протверди это нѣсколько разъ, не спутайся